

© 2000 г., э о, № 5

Б.А.Калоев

ИЗ ДНЕВНИКА КАВКАЗОВЕДА. II. ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

В 1948 г. я поступил в аспирантуру Института этнографии Академии наук СССР (ныне - Институт этнологии и антропологии РАН). Конечно, в науку пришел поздно, причем без этнографической подготовки и знания языков. Тогда Институт этнографии находился на Волхонке, дом 14, в одном здании с Институтами истории, археологии, философии и другими, занимая на третьем этаже три небольшие комнаты. Из четырех поступавших в аспирантуру я был самый старший, выделялся и своим военным костюмом, долго не имея возможности заменить его гражданской одеждой.

Сдавая конкурсный экзамен по этнографии С.А.Токареву, в присутствии Г.А. Кокиева и Н.Н. Чебоксарова, я, о чем мог судить по заданным вопросам, заметил доброе отношение к себе экзаменаторов. Моим научным руководителем стал Г.А. Кокиев. Ему понравилась выбранная мною тема для диссертации - «Моздокские осетины». Он только, смеясь, спросил: «Среди них, наверно, и твои родственники». Я ответил: «И родственники, и земляки-заккинцы, живущие там с самого основания Моздока в 1763 г.». К великому сожалению, этот выдающийся ученый-кавказовед и добрейший человек стал жертвой репрессии. В 1949 г. он был арестован по доносу и погиб в лагере в Калининской обл. Кавказоведение потеряло своего крупного представителя, а я - доброжелательного, умного наставника.

После зачисления в аспирантуру я получил существовавшие тогда еще продуктовые карточки, поселился в общежитии аспирантов Академии наук на Малой Бронной улице, населенном многими демобилизованными, такими же, как я, в военной форме, готовыми вновь штурмовать, но теперь уже извилистые тропы науки. Мои четыре товарища по комнате на третьем этаже были аспирантами из разных академических институтов.

Г.А.Кокиев предложил мне тему для реферата «В.Ф. Миллер как осетиновед». Всеволод Федорович Миллер (1848-1913), профессор Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков, владея двумя диалектами осетинского языка (иронским и дигорским), много лет изучал осетин, исходил почти всю горную Осетию, известен как автор фундаментального исследования «Осетинские этюды», трехтомного Осетино-русско-немецкого словаря и множества работ, посвященных осетинам и другим ираноязычным народам Кавказа¹.

Георгий Александрович посоветовал мне обратиться за помощью к сыну В.Ф. Миллера - профессору Б.В. Миллеру, известному иранисту и кавказоведу, старшему научному сотруднику Института мышления им. Н.Я. Марра (позже - Институт языкознания АН). Прийдя к нему в институт, я встретил пожилого ученого лет 65-70, среднего роста, похожего на своего знаменитого отца. При первой же встрече Борис Всеволодович, узнав мою фамилию, спросил, знал ли я Заурбека Калоева. (Заурбек в тяжелые послереволюционные годы в Москве, когда семья Миллеров бедствовала, будучи представителем ВЦИКа от Северной Осетии,

* Продолжение. Начало см.: Этнограф, обозрение. 2000. № 4.

Рис. 1. Всеволод Федорович Миллер

постоянно опекал ее, помогал, как мог, продуктами и топливом; вдова Всеволода Федоровича, пережившая его на 12 лет, кроме Бориса Всеволодовича, имела еще нескольких взрослых детей, жила с ними одной семьей, перенесла все тяготы того времени.) «Заурбек Калоев был моим родственником по отцовской линии», - ответил я.

Интересна судьба самого Заурбека, бывшего солдата русской армии, малограмотного, но одаренного природным умом человека. В период гражданской войны в горах Осетии он активно помогал партизанам воевать против белых армий и грузинских меньшевиков. После установления советской власти на Северном Кавказе, когда возник вопрос о выдвижении представителя от Северной Осетии во ВЦИК, вспомнили о Заурбеке, в это время находившемся со своей отарой на зимних пастбищах в кизлярских степях. Его вызвали оттуда и отправили в Москву. Заурбек пришел на Красную площадь к воротам Кремля и спросил стоявшего там извозчика, как попасть в Кремль. Тот, видимо, принял его за дикого туземца, сказав: «Садись, я тебя подвезу», обвез его вокруг Кремля и привез на прежнее место. Заурбек был возмущен выходкой «европейца», отругал его на ломаном русском языке. Ему тогда еще не было 40 лет: выше среднего роста, худощавый, с военной выправкой, с большой красивой бородой, в череске из белого добротного фабричного сукна с кинжалом у пояса и газырями на груди, он выглядел настоящим горцем-красавцем.

Он пробыл в Москве на должности представителя Северной Осетии во ВЦИКе до самой кончины (1936 г.). Многие в Осетии помнят его до сих пор как замечательного государственного деятеля, внесшего большой вклад в развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры республики. С именем Заурбека связано строительство таких гигантов, как Beslanovskiy maissovyy kombinat, zavod «Электроцинк» во Владикавказе, первая на Северном Кавказе Гизельдонская гидроэлектростанция. Его стараниями созданы швейная фабрика им. Кирова во Владикавказе, новые шахты в Садонском руднике. Он одним из первых ставил вопрос о срочном проведении ныне существующей Транскавказской дороги, в надежде, что с ее постройкой осуществится вековая мечта осетинского народа - произойдет объединение Северной и Южной Осетии. Теперь, когда дорога построена, к великому сожалению, эта проблема все еще не решена.

Обращаясь неоднократно с вопросом о постройке этой дороги к правительству,

в ЦК и даже к самому Сталину, равно как и по другим вопросам, касавшимся экономического, хозяйственного и культурного строительства в республике, Заурбек в своей неизменной черкеске с кинжалом никогда не стоял в очереди на прием к должностным лицам, прямо проходя к ним в сопровождении своего секретаря с папкой документов под мышкой. Рассказывают, как однажды он в очередной раз пришел к И.В. Сталину с вечно волновавшим его вопросом о строительстве Транскавказской дороги; тот, как всегда, пошел ему навстречу со словами: «Заурбек, рад тебя видеть, с какими новостями?». Заурбек снял пояс с кинжалом и положил его на стол, сказав: «Я теперь больше не мужчина, потому что мужчина без кинжала не может быть мужчиной, дарю его, надеясь на то, что начнете строить дорогу». Сталин, смеясь, успокоил его, сказав: «В ближайшее время начнется строительство дороги по намеченному плану, по которому она, пройдя через Главный Кавказский хребет, соединит оба его склона четырехкилометровым туннелем». И действительно, уже до второй мировой войны на южном склоне хребта, на территории Южной Осетии, начала строиться дорога. Здесь уместно заметить, что, по словам многих осетин, И.В. Сталин, у которого отец был осетин по фамилии Дзугаев, довольно распространенной в Осетии (отсюда с грузинским суффиксом *-швили* образована настоящая фамилия Сталина - Джугашвили), якобы говорил и по-осетински. К сожалению, мы не знаем, на каком языке разговаривал он с моим родственником. Во всяком случае на родине Сталина, в г. Гори, где он жил и учился в духовной семинарии, до революции и после нее обитало множество осетинских семейств, которые сохраняли родной язык.

Заурбека отличало еще одно достоинство: он помог многим осетинам, парням и девушкам, в то время приезжавшим десятками в столицу на учебу, получить образование, устраивая их в различные учебные заведения путем личного контакта с их руководителями, приводя к ним прямо за руку молодых людей, жаждавших учиться. Многие из них до сих пор вспоминают его с благодарностью. Читатель может упрекнуть меня в том, что я слишком много внимания уделил Заурбеку, но ведь он, оказывавший большую помощь семье великого ученого в тяжелые послереволюционные годы, заслуживает этого.

В.Ф. Миллер, изучая осетин много лет, убедительно обосновал их происхождение от скифо-сарматов и алан. Он буквально сжился с этим народом, нашел среди его интеллигенции немало энтузиастов, оказывавших ему постоянную помощь в работе. Ученый платил тем же, помогал как мог развитию в Осетии книгопечатания и других культурных предприятий, помогал молодым осетинам поступать в российские и заграничные учебные заведения. Так, с его помощью Муха Гарданов, отец известного историка-кавказоведа В.К. Гарданова, окончил Берлинский университет, стал врачом и видным общественным деятелем.

Из сохранившегося большого числа писем к Миллеру видно, что к ученому обращались интеллигенты и простые люди с различными вопросами. Большую папку этих писем, включая письма некоторых учеников Всеволода Федоровича, позже ставших видными этнографами (И.Анисимов, Б.Далгат), Борис Всеволодович передал мне, сказав: «Здесь найдете ценный материал для своего реферата, и это будет лучшим памятником отцу, если опубликуете их». Я выполнил просьбу ученого, написал о его отце книгу и после просмотра рукописи В.И. Абаевым опубликовал ее с приложением указанных писем².

В 1996 г. мы с В.И. Абаевым обратились с просьбой к президенту Северной Осетии-Алании Ахсарбеку Галазову об увековечении памяти В.Ф. Миллера за его огромный вклад в развитие осетинской культуры и осетиноведения. Через некоторое время от президента пришла телеграмма на наше имя: «Рад сообщить вам, что в связи с вашей просьбой, по моему поручению администрация города Владикавказа своим постановлением от 16 января 1997 г. переименовала улицу Советов в центре города в улицу имени Всеволода Федоровича Миллера».

Возвратимся к аспирантским годам. Однажды поздно вечером, сидя в своей комнате в общежитии на Малой Бронной, я услышал громкий возглас на весь коридор: «Кто

тут Калоев?» Я выскочил и представился. Передо мной стоял мужчина среднего роста, лет 40, с горбатым носом, большими голубыми глазами, совершенно лысый, в военной гимнастерке с орденом Красной Звезды на груди, державший большой пухлый портфель. Он сказал: «Меня прислали из института к Вам переночевать». Это был Леонид Иванович Лавров, научный сотрудник Ленинградской части нашего института, кубанский казак, фанатично преданный науке. Судьба связала меня с ним на долгие годы: мы оба изучали народы Дагестана и Северного Кавказа.

Леонид Иванович приехал на второе кавказское этнографическое совещание (первое с его участием было в 1947 г. в Тбилиси), на которое прибыли также этнографы из кавказских регионов, пришли московские ученые-кавказеды. Обо всем этом я узнал из рассказа Лаврова, так как нас, молодых аспирантов, никто о совещании не известил. Позднее я узнал, что оба научных совещания проводились по инициативе и под руководством М.О. Косвена - заведующего сектором народов Кавказа Института этнографии.

Вскоро в том же здании на Волхонке состоялась защита докторской диссертации С.И. Макалатиа «Этнография картвельских племен». Я впервые присутствовал на таком собрании ученых, с интересом следил за ходом его работы. При полном зале С.П. Толстов, директор института, открыл Ученый совет, предоставив вступительное слово диссертанту. На трибуну вышел среднего роста мужчина лет 45-50, немного полноватый, с красными щеками, без усов. Он ограничился кратким изложением основных положений своей работы. Затем выступали официальные оппоненты - доктора наук М.О. Косвен, С.П. Толстов, Н.Ф. Яковлев. Здесь я первый раз увидел М.О. Косвена, своего будущего учителя и наставника; с Н.Я. Яковлевым, выдающимся кавказоведом, автором замечательного этнографического труда «Ингуши»³, и множества других работ по языкознанию горцев Северного Кавказа, я был знаком с 1944 г. Начался диспут по диссертации. Мне особенно запомнилось выступление Георгия Спиридоновича Читая, отличавшееся весьма резкой манерой речи. Он обвинял диссертанта в плагиате, доказывая, что работа его основана целиком на чужих журнальных статьях в русском переводе и не имеет никакой научной ценности. Это вызвало переполох среди некоторых членов Ученого совета. Я заметил, как небольшого роста ученый с тревогой спрашивал коллег, как ему теперь поступить, если он, не зная грузинского языка, лично не может убедиться в аргументах, высказанных неофициальным оппонентом. Это был профессор кафедры истфака МГУ Владимир Капитонович Никольский, крупный специалист по первобытности. После выступления Г.С. Читая слово было предоставлено диссертанту. С.И. Макалатиа, идя на трибуну, взял с собой объемистый портфель и начал оттуда вынимать книги, приговаривая: «А это кто написал? Читая?». Он вынул таким образом восемь книг на грузинском языке, вызвав большое удивление присутствовавших. Председательствовавший на Ученом совете С.П. Толстов заявил, что совет может присвоить соискателю даже по совокупности степень доктора наук. Из девяти членов Ученого совета восемь голосовало за это предложение. Известно, что С.И. Макалатиа славился тем, что изучал отдельные группы горцев Грузии, расселенные по ущельям, что никто не делал ни до, ни после него, и доказал, что при таком способе изучения любой этнической группы горских народов наиболее основательно прослеживаются особенности в хозяйстве, материальной и духовной культуре, верованиях, фольклоре и т.д. (Если бы, например, этнографы изучали группы осетин по ущельям до их массового переселения на равнину Северного Кавказа, мы имели бы ценный материал для характеристики многих сторон жизни этого народа.) Труды С.И. Макалатиа составляют золотой фонд этнографии Грузии и будут служить хорошим источником для многих поколений этнографов, изучающих горские народы Кавказа.

После защиты диссертации (1951 г.) я остался работать в институте, несколько лет был ученым секретарем сектора народов Кавказа. У меня сложились добрые и дружеские отношения почти со всеми грузинскими этнографами. Я оказывал им должное внимание, когда они приезжали к нам на научные сессии или по другим делам,

и пользовался их душевным гостеприимством во время моего неоднократного посещения Грузии. Я горжусь тем, что мне посчастливилось близко общаться и работать с выдающимися грузинскими учеными-этнографами старшего поколения - Г.С. Читая, А.И. Робакидзе, В.В. Бардавелидзе, Р.Л. Харадзе. Общеизвестно, что именно они создали грузинскую этнографическую школу, отличавшуюся детальным рассмотрением каждого предмета или явления по отдельности, в то время как общесоюзная этнография, идя по традиционному пути, изучала их в комплексе.

Вернемся к моим аспирантским делам и постепенному вхождению в науку. К сдаче кандидатского минимума предстояло изучить общую и кавказскую этнографию, два языка - немецкий и грузинский. Так как на кафедре иностранных языков АН СССР не было преподавателя грузинского языка, мне посоветовали обратиться к бывшему сельскому педагогу из Западной Грузии, а позднее переводчику с грузинского языка в Верховном Совете СССР А.Майсурадзе, проживавшему в правительственном доме у Каменного моста. Он и обучал грузинскому языку нас с Лилей Акаба, моей однокашницей, ныне известным абхазским этнографом. -

Освоению неизвестной мне до того времени этнографической науки способствовало сотрудничество выдающихся ученых, среди которых проходили мои аспирантские годы. Для нас, начинающих молодых кавказоведов, источником этнографических знаний служили не только печатные труды, но и научные диспуты по проблемам этнографии, доклады и сообщения на Ученых советах, сессиях и совещаниях. Большое значение имели личные контакты с учеными: в институте господствовала атмосфера доброжелательности и дружеских отношений между его сотрудниками, за много лет работы я не помню ни одного конфликта, вызванного групповщиной или склоками, и в этом немалая заслуга С.П. Толстова, первого директора института, строго пресекавшего любителей создавать такие ситуации.

В том же 1948 г. институт переехал на улицу Фрунзе (д. 10), заняв верхний этаж здания Института права Академии наук СССР. Конечно, этого помещения было недостаточно, тем не менее разместились там со своей библиотекой. Сектора ютились в одной небольшой комнате, а заседания проходили в холле. В 1960 г. институт получил новое помещение (ул. Дмитрия Ульянова, 19).

Помню, как я первый раз присутствовал на заседании сектора народов Кавказа, проходившем под руководством его заведующего М.О. Косвена. Это было через несколько дней после защиты диссертации С.И. Макалатиа в сравнительно небольшой аудитории в здании на ул. Фрунзе, переполненной незнакомыми для меня людьми. Тогда я имел возможность впервые близко рассмотреть М.О. Косвена, человека среднего роста с седыми усами, редкими волосами, выглядевшего старше своих 63 лет, одетого в добротный серый костюм, с тщательно повязанным галстуком. Он оставался, между прочим, в таком виде до конца своих дней. Во всяком случае, работая с Марком Осиповичем до самого ухода его из жизни, я не замечал в его внешности больших изменений. В аудитории, где проходило заседание, стояла полная тишина, слышен был только голос выступающего. Можно было подумать, что ты оказался на судебном процессе. Марк Осипович, юрист по образованию, не терпел лишних слов, требовал от выступавшего краткого и ясного изложения мыслей.

Такая черта характерна для любой публикации М.О. Косвена, лишенной многословия и длинных рассуждений. (Этим от него отличался сменивший его в качестве заведующего сектором В.К. Гарданов, который сам любил поговорить и другим не мешал.)

Примостившись в углу, я с интересом наблюдал за ходом заседания, заметив, как один молодой человек, говоря по-современному, «кавказской национальности», то поднимает руку, прося слова, то подает реплики, невольно обращая на себя внимание слушателей. Когда кончилось заседание, он подошел ко мне и протянул руку, сказав: «Миша Ихиллов из Дагестана, аспирант М.О. Косвена, рад познакомиться с фронтовиком, братом по оружию» (я был в военном костюме). Я обратил внимание на то, что у него левая рука плохо поднимается вследствие ранения. М. Ихиллов, поступивший в

аспирантуру на год раньше меня, живший в том же общежитии, где и я, ввел меня во все дела института. Вдруг его подозвал Марк Осипович, и я остался один. Когда он вернулся, то сказал: «М.О. Косвен спросил меня "Кто этот молодой человек со страшно злой физиономией, готовый стукнуть по голове?". Я ответил ему, что это аспирант Г.А. Кокиева». В лице Михаила Мататовича Ихилова (ныне покойного) я приобрел верного, доброго друга. Позже он стал доктором наук, ведущим научным сотрудником Института истории Дагестанского филиала РАН, автором многочисленных научных трудов. С Михаилом Мататовичем Ихиловым (по национальности горским евреем) у меня связано немало воспоминаний, из которых особенно запомнилось одно. Горские евреи, которые жили в основном в районе Дербента и в городах республики, отличались от горцев Дагестана только по языку и религии, а во всем остальном имели с ними абсолютное сходство, включая горский темперамент, одежду и пр. М. Ихилов темой своей диссертации избрал этнографию горских евреев, завершив ее в 1949 г. О дне защиты, по тогдашним порядкам, было объявлено в «Вечерней Москве». Этим был вызван большой приток стариков и старух еврейской национальности, заполнивших актывый зал института. Вошедший сюда М.Г. Левин, заместитель директора, был удивлен таким небывалым нашествием посторонних, сказав: «А, понятно, защита М. Ихилова». Начался Ученый совет под председательством Максима Григорьевича Левина, предоставившего вступительное слово Ихилу. Тот, видимо, нарочно молниеносно «отбарабанил» выступление так, что многие ничего не поняли. После этого председательствующий спросил, будут ли вопросы к диссертанту. Наступила полная тишина. Затем в рядах сидящих поднялась дрожащая рука старика, спросившего: «Скажите, пожалуйста, чем же отличаются ваши горские евреи от европейских?». Михаил Мататович, видимо, решил сразу же «дать по башке», чтобы больше не последовало вопросов. Он сказал: «Горские евреи отличаются тем, что носят кинжал, а европейские боятся кинжала». Конечно, такой ответ вызвал в зале смех и веселое оживление. В фотоальбоме, приложенном к диссертации, М. Ихилов, пытаясь показать современную горскую еврейскую молодежь, представил во многих видах свою невесту. Об этом знали только его близкие друзья. Позже, поженившись, молодые стали счастливыми родителями троих детей. Спустя 18 лет М.М. Ихилов - солидный ученый из далекого Дагестана - вновь посетил родной институт для защиты докторской диссертации.

Возвращаясь к своим аспирантским годам. Летом 1949 г. я совершил первую этнографическую поездку к осетинам Моздокского района, пробыв перед этим две недели в Южном Дагестане у лезгин, одного из основных народов республики. Для получения практики полевой этнографической работы меня взяла с собой Л.Б. Панек, весьма опытный этнограф, сотрудник Ленинградской части нашего института, много лет изучавшая этот народ. С нами были еще две студентки с кафедры этнографии МГУ - А.Г. Трофимова и М.А. Кургузова, позже ставшие сотрудниками нашего института. Мы остановились в крупном районном центре Касумкенте, отсюда совершая поездки, большей частью верхом, по другим селам района. В основном это делали мы вдвоем с Лидией Борисовной, женщиной среднего роста, лет 50, великолепной наездницей. Я, опытный кавалерист, поражался ее умению обращаться с конем во время поездок по высокогорным узким тропам. В Касумкенте мы побывали на лезгинской свадьбе, на которой оказалось много желанных гостей - фронтовиков, не расставшихся еще, вроде меня, с военной формой. Мы сидели на полу, подобрыв ноги под себя, за столами, накрытыми скатертями и обильно уставленными кушаньями. К сожалению, Лидия Борисовна - видный ученый, крупный знаток кавказской этнографии, супруга знаменитого востоковеда-лингвиста А.Н. Генко, став жертвой административного конфликта, вынуждена была уйти из института, отчего кавказоведение лишилось одного из своих старейших и талантливых исследователей. Ее многолетний труд по этнографии лезгин, - народа с очень интересной культурой, - остался незавершенным.

Получив первые навыки сбора полевого материала, я с большой благодарностью

распрошался с Лидией Борисовной и уехал в Моздокский р-н, совершенно мне незнакомый. О моздокских осетинах я знал лишь по рассказам родственников; они жили там на хуторе Веселом (в 3-4 км от города), возникшем в конце XIX в. на так называемом Архиерейском земельном участке, отданном безземельным осетинам-горцам. В самом начале XX в. здесь же рядом возник другой осетинский хутор - Новогеоргиевский, населенный теми же безземельными горцами. Эта этническая группа осетин носит самоназвание *ирадта*. Но, как говорилось выше, многие мои родственники и земляки-заккинцы обосновались в Моздоке и моздокских степях на хуторах с 1760-х годов. В состав переселенцев вливались безземельные горцы и других этнических групп осетин; они называли себя *цайтдз* (букв. «колодцы»). Такое название объясняется тем, что в безводных моздокских степях колодцы, выкопанные с огромными усилиями, имели важнейшее значение для людей. Поэтому хутор носил имя человека, выкопавшего колодец.

Еще одна группа моздокских осетин, обосновавшаяся в начале XIX в. также на левом берегу Терека в 25 км от Моздока и населявшая две станицы - Черноярскую и Новоосетиновскую - а также несколько хуторов, именовалась *ераити*, *дзераити*, а по официальным документам - *черноярцами*. Эти переселенцы, состоявшие почти исключительно из осетин-дигорцев, спустя несколько лет после появления их на Тереке, точнее на военной оборонительной кавказской линии, неся здесь охранную службу, были, по распоряжению генерала А.П. Ермолова, тогдашнего заместителя Кавказа, зачислены в Терское казачье войско. С того времени они одержали многие победы во славу русского оружия. Немалое число черноярцев прошло службу в составе конвоя Его величества, охраняли царский дворец. Черноярцы гордятся тем, что обучали верховой езде самого Николая II. Перед началом первой мировой войны среди них было 300 офицеров разного ранга и несколько генералов.

Перечисленные сведения о моздокских осетинах я приобрел после того как поездил, точнее походил пешком, по местам их поселений и в течение трех лет выявлял документы в центральных и местных архивах, познакомился с имевшимися в литературе двумя сравнительно небольшими журнальными статьями, принадлежавшими: одна (о черноярцах) - местному дореволюционному краеведу, станичнику Сосиеву, другая (о цайтзе) - советскому ученому проф. Б.А. Алборову.

Приехав первый раз в Моздок, я разузнал, как добраться до хутора Веселого, где жили мои родственники по отцу. Они совершенно не были мне знакомы, но знали, что мы выходцы из одной давно распавшейся горской большой патриархальной семьи, членов которой судьба разбросала в разные стороны: одних - в моздокские степи, других - на равнину Северной Осетии. Мои родственники встретили меня, как самого близкого человека, оказывая мне теплое гостеприимство в течение всего моего пребывания в командировке. В доме родственников я застал почти столетнюю старуху, которая, по ее словам, была, как и моя бабушка, младшей невесткой в упомянутой большой семье. Находясь здесь, я основательно познакомился с этой группой переселенцев, получил от ее старожилов нужные мне сведения.

Я побывал на некоторых хуторах цайтзе, находившихся далеко от Моздока, в степях. Более 30 из них были снесены с лица земли в период ожесточенных боев с немецко-фашистскими войсками, рвавшимися к нефтяным районам Кавказа - Грозному и Баку. Здесь меня поразила архаичность быта хуторян, вызванная местными суровыми природными условиями, почти ежегодной засухой, безводной песчаной почвой, скудной растительностью и т.д. Позже, в 1960-х годах, с проведением Терско-Кумского канала коренным образом изменился облик моздокских степей, обильно орошавшихся водой, вызвав появление новых отраслей земледелия: садоводства, виноградарства, огородничества и т.д. Для меня было открытием почти поголовное знание осетинами-цайтзе ногайского языка и фольклора, что объясняется вековым соседством и контактами этих народов.

Не меньшее впечатление на меня произвел Моздок с его обилием сельских постро-

Рис. 2. Осетинские казаки из станицы Новоосетиновской

ек и пестрым национальным составом. Этот город был основан в 1763 г. и стал центром торговой, политической и культурной жизни осетинского народа. Еще в правление Елизаветы Петровны в 1744 г. была создана Осетинская духовная комиссия; вскоре после основания города была открыта первая осетинская школа, и в конце этого столетия была составлена первая осетинская печатная книга на русской графической основе⁴.

Итак, моя первая поездка к моздокским осетинам показала мне пути предстоящего исследования: оно требовало сбора полевого этнографического материала и выявления источников в центральных и местных архивах.

С этими мыслями я вернулся в Москву и через пару дней отправился на кафедру истфака МГУ к своему научному руководителю Г.А. Кокиеву, чтобы сообщить о своей поездке. На вопрос, будет ли сегодня профессор Г.А. Кокиев, получил ответ, что такого там не знают. Я сразу же понял: что-то случилось. Узнав об аресте Г.А. Кокиева, отправился к нему домой, но у подъезда дома меня остановили двое в гражданской форме и, узнав, к кому иду, не пропустили. Позже стало известно, что Г.А. Кокиев, арестованный по доносу, погиб в лагере от разрыва сердца (об этом и о том, что он оправдан, я узнал от его вдовы в 1955 г.). Для меня гибель Г.А. Кокиева была двойной потерей: крупного ученого-кавказоведа и умного наставника, научного руководителя. К себе в аспиранты меня взял М.О.Косвен, ученый с мировым именем, коллега Г.А. Кокиева по совместному изучению древностей и историографии Кавказа.

М.О. Косвен по обыкновению, как он делал по отношению к аспирантам и сотрудникам сектора, ведущим полевые исследования, поставил мой отчет на заседании

сектора. Для меня это было первое выступление, причинившее мне немалое волнение. Меня похвалили, что всегда является большой наградой для начинающего исследователя.

Для сбора материала по диссертации я в течение осени 1949 г. и зимы 1950 г. засел сначала в московских архивах. Из местных архивов я смог побывать только в двух - в Центральном государственном архиве Северной Осетии (бывшем архиве Терской обл.) и в Астраханском областном архиве, малоизвестном для исследователей-кавказоведов, в документах которого представлен весь Кавказ XVIII в. (г. Астрахань в ту пору являлся центром Кавказской губ.).

Мне запомнилось пребывание в Астрахани (сентябрь 1950 г.) - старом русском купеческом городе на Волге, сохранившем в то время во многом свой позднесредневековый облик с жилыми и оборонительными постройками, характерными для этого периода. Тогда архив находился в старой мечети, служившей свидетельством большого числа мусульман в городе, в частности татар. Работая в архиве, я убедился, что в городе в прошлом жило большое число армян, занимавшихся исключительно торговлей; среди них было немало крупных торговцев, владевших целыми отраслями хозяйства города, в частности его рыбными промыслами. В архиве мне показали объемистую рукописную книгу на русском языке, содержащую армянские анекдоты, шуточные песни и рассказы, которыми развлекались богатые горожане на своих вечеринках. Армяновед может найти в этом многонациональном крае обильные материалы по многим сторонам жизни армянской диаспоры.

В архиве мне понадобилось несколько дней, чтобы овладеть чтением скорописи, на которой были составлены документы XVIII в., в том числе хранящиеся здесь в большом количестве донесения Осетинской духовной комиссии, материалы, касающиеся кавказской военной линии по Тереку, освоению огромных просторов Предкавказья русскими казаками и кавказскими народами, включая первых осетинских поселенцев - осетин-цайтае в Моздокских степях. Большой удачей для меня была и находка портрета архиепископа Гая, одного из составителей первопечатной осетинской книги в конце XVIII в., видного деятеля грузинской культуры этого периода. Характерно, что эта книга, тогда же напечатанная в Московской синодальной типографии, не получила распространения, почти весь ее тираж (1500 экз.) сохранялся в одной из церквей Моздока, где она была обнаружена в 1921 г. проф. Б.А. Алборовым.

За три недели пребывания в Астрахани я более или менее познакомился с городом, его жителями, среди которых нередко слышал старое (купеческое) почтительное обращение с окончанием на букву «с». Обращало на себя внимание немалое число старых магазинов, оставшихся от прежних владельцев - купцов-рыботорговцев, какими славилась Астрахань с ее богатыми рыбными промыслами в прошлом.

За это же время я многое узнал от постоянно менявшихся в гостиничном номере своих соседей - заготовителей рыбы, приезжавших из разных волжских регионов, о разнообразных видах рыбы, обитающих на Волге и Каспии. Однажды мой очередной сосед, старый инженер с дореволюционным стажем работы (окончил Киевский политехнический институт), тоже заготовитель, приехавший из какого-то поволжского городка, горевал, что в астраханских магазинах почти нет рыбы, «в то время как в прошлом, куда ни пойдешь, отовсюду на тебя смотрит рыба», и предложил: «Хотите, я Вам покажу Астрахань в недавнем прошлом? Пойдемте завтра до рассвета на "черный рынок", находящийся на берегу Волги». Мы пришли и увидели поразительное зрелище: огромную толпу продавцов самых различных видов рыбы, недавно пойманной, ведра красной и черной икры. Когда стало совсем светло, толкучка вдруг исчезла. Мы заметили издали двух идущих милиционеров, грозу «черного рынка». Дело в том, что для ликвидации послевоенной разрухи астраханская рыба и икра шли большей частью на экспорт, отчасти в столичные города, в 1960-1970-х годах и позже их развозывали те, кто имел отношение к этой отрасли хозяйства, начиная от продавца магазина до высших чиновников министерства рыбной промышленности. (Вспомним хотя бы громкие «дела с икрой» в 1980-х годах, привлекавшие внимание всей страны.)

В самой Астрахани повсюду подпольно торговали икрой, в чем я неоднократно убеждался, проходя по улицам и слыша, как торговцы икрой зазывали чуть ли не в каждый двор.

От старого инженера я узнал и о знаменитых филипповских пирожках (Филиппов - известный московский предприниматель). Отличаясь высокими вкусовыми качествами, пирожки доставлялись почти во все европейские столицы, а в Москве благодаря дешевизне были доступны и для малоимущих. Филиппов открыл на Тверской столовую для простых горожан: рабочие, студенты и прочие могли пообедать по доступной цене. При этом все основывалось на доверии: пообедавший, уходя, бросал монету на поднос, находившийся у выхода на столике.

Собранные архивные источники касались только XVIII в. и одной из групп моздокских осетин-цайтае. Среди найденных документов большой интерес представляют «Ведомость» за несколько лет Моздокской осетинской школы, открытой на второй год после постройки Моздока, а также данные о «Горской команде», состоявшей из осетин-цайтае и кабардинцев (всего 56 семейств), несших охранную службу вместе с русскими казаками (их называли «казачьими братьями») на кавказской военной линии по левому берегу Терека. Архивный материал по другим группам моздокских осетин нами выявлен почти целиком в фондах Центрального Северо-Осетинского архива.

Основой всей моей работы служили полевые этнографические сведения, которые еще предстояло собрать по местам оседания переселенцев на просторах Предкавказья. При этом если изучение осетин - ирадта и ерашти, живших компактно, не составляло большого труда, то для изучения осетин-цайтае, живших в рассыпную на обширной территории Моздока и Ставрополя, приходилось тратить много сил и времени, объезжая или обходя пешком их хутора, располагавшиеся на большом расстоянии друг от друга.

Я уже упоминал о первом моем пребывании у моздокских осетин летом 1949 г. и более или менее предварительном знакомстве с ирадта и ерашти, живущими далеко от Моздока, в двух казачьих станицах и нескольких хуторах. Эти осетины, находясь с начала XIX в. в составе Терского казачьего войска, составляли касту осетин, обособленных от своего народа, и пользовались большими привилегиями.

В период гражданской войны подавляющее большинство их было настроено против новой власти. Например, братья Бечераховы из ст-цы Черноярской подняли контрреволюционное восстание на Тереке и по всему Восточному Кавказу, генерал Мистуров, уроженец той же станицы, руководил терским казачеством в борьбе против советов. Рассказывают, что, когда казаки отошли от него, не стали повиноваться, генерал зашел в станичное управление в ст-це Прохладной и застрелился. Его привезли в родную станицу и похоронили по всем осетинским обычаям, с посвящением коня, конными состязаниями, стрельбой в цель и пр., выставляя в качестве призов личные вещи генерала: папаху, шашку, кинжал и др.

Итак, отправляясь к осетинским казакам, я выехал из Моздока на попутной машине, прибыл поздно вечером в ст-цу Черноярскую, пошел в поисках пристанища в правление колхоза, но там дверь оказалась на замке. Я спросил прохожего: «Будет ли еще председатель сегодня?» - «Будет, - ответили мне. - У нас теперь новый председатель, бывший военный, присланный из райкома, Александр Калоев». Через некоторое время перед мной стоял мужчина лет 40-45, высокого роста, немного сутулый, в офицерском кителе защитного цвета. Когда я представился, он обнял меня, как родного брата. Александр (или Агка) был из осетин-ирадта, уроженец хутора Веселый.

Агка пригласил меня домой; с его приветливой женой мы оказались земляками: ее родная семья Дзапаровых принадлежала к потомкам легендарного Хетага, выходцам из Нарской котловины, расположенной по соседству с моей родиной - Заккинским ущельем. И в последующие приезды к осетинам-ерашти я пользовался гостеприимством этой ставшей для меня дорогой семьи.

Уже из первых разговоров с Агкой я понял, что события в период гражданской войны не обошли стороной осетинских казаков, многие из которых покинули родные

места, обосновавшись в других регионах страны и даже за рубежом. Он сетовал, что в колхозе некому работать, в станицах остались одни старики и старухи да некоторые семьи, не успевшие их покинуть. Узнав о моих занятиях, он посоветовал обратиться к нескольким старикам, и прежде всего к 65-летнему Сандро Адцееву, по его словам, лучшему знатоку многих сторон жизни ерашти, бывалому казаку. Много лет он вел дневник, ежедневно записывая все происходившие в осетинских станицах события, начиная с погоды, рождения ребенка, похорон и кончая тем, у кого отелилась корова. (Позже, побывав в доме Сандро, я видел в его комнате большие связки дневников, накопленных с годами. К сожалению, после смерти старика они исчезли бесследно: его молодая жена использовала их для отопления. Я же, тогда занятый записями его рассказов о разных этнографических сюжетах, отложил на потом просмотр дневников, о чем очень сожалею.)

На центральной улице станицы я нашел дом Сандро, застал сидящего на скамейке хозяина - мужчину высокого роста в папахе, сохранившего военную выправку, с приятной улыбкой на чисто выбритом лице, в старом бешмете с заплатками. Я подозревался на родном иронском диалекте; он, видимо, не понял меня, так как говорил на дигорском диалекте, близком по своей архаике скифскому языку, и ответил мне по-русски. Так мы, два осетина, не понимая друг друга или почти не понимая, разговаривали между собой и в эту встречу, и в дальнейшем только по-русски. Дело в том, что ерашти, вышедшие в начале XIX в. из Дигории (Западная Осетия) на Терек, находясь с того времени среди русских казачьих станиц, сохранили в чистоте свой дигорский диалект осетинского языка. Основоположителем дигорского литературного языка считается поэт есаул Блашка Гуржибеков из ст-цы Новоосетиновской, погибший на русско-японской войне в Маньчжурии в 1905 г. Позже, проводя этнографическое исследование в Дигорском ущелье, я не имел таких затруднений с дигорским диалектом даже в селении Дзинага, где, по словам В.Ф. Миллера, этот язык более всего сохранил свою архаику⁵.

Сандро прошел большой жизненный путь, в 1905 г. служил в конвое Его величества, куда он попал из-за своего высокого роста и по другим подходящим данным, отвечавшим требованиям для несения такой службы. Из конвоя он был изгнан вместе с другими казаками-осетинами, так как их всех посчитали бунтовщиками. Дело в том, что один из сыновей уже упомянутого Бечерахова, студент Петербургского политехнического института Лазер, входивший в социал-демократическую организацию, в 1905 г., находясь в ст-це Черноярской, собрал своих единомышленников и пошел с красными знаменами в Моздок. Это было как гром среди ясного неба - небывалый случай в казачестве. Сандро рассказывает, что командующий конвоем генерал, построив все подразделения конвоя, скомандовал: «Черноярцы и новоосетиновцы! Восемь шагов вперед!», подошел к ним и сказал: «Ах вы мерзавцы, бунтовщики, вон отсюда!».

После изгнания из состава конвоя Сандро домой не вернулся, как это делали обычно многие казаки-осетины после окончания срочной службы, а решил заработать деньги. Его взял какой-то генерал дежурить у его домашнего телефона. Сандро ради заработка побывал и в других должностях. Однако казак, неся службу до самой старости, не мог на долгий срок отлучиться от места своего жительства. Осетинские казаки проходили службу в основном в одном полку - Горско-Моздокском, постоянно находившемся где-то на турецкой границе. Офицер, отбывший свой срок службы или ушедший в отставку, оставшиеся годы жизни обычно проводил в родной станице. Поэтому старые кладбища ерашти, на которых покоятся многие выдающиеся личности - от генерала Занкисова, участника и героя неоднократных зарубежных походов русских войск, до талантливого поэта Б. Гуржибекова - могут во многом помочь при восстановлении истории осетинских казаков.

Поздоровавшись, Сандро пригласил меня в дом, познакомил с женой, моложе его лет на 15-20, очень приветливой. Я много раз пользовался ее гостеприимством. От нее Сандро имел сына, от первой, умершей жены - двух сыновей. Старший - Фацбай,

Рис. 3. Б.А. Калоев в пути в Дигорском ущелье

инженер, работавший во Владикавказе, впоследствии помогал мне в работе. Он прислал мне в Москву длинный список традиционных мужских и женских имен осетин-ерашти, среди которых много аналогичных древнеиранским, представлявший большой научный интерес⁶.

Сандро рассказывал о жизни казаков-осетин в прошлом. Его отличало прекрасное знание всех отраслей хозяйства, в частности земледелия и скотоводства, развитие которых во второй половине XIX в. вызвало у них появление хуторской системы расселения. Тогда же сильно изменились жилые и хозяйственные постройки ерашти. На смену древнему двухкамерному плетенному из орешника домику (хата-мазанка), характерному для всего Предкавказья в прошлом, почти повсюду в станицах пришли длинные прямоугольные (или квадратные) деревянные дома на высоком фундаменте, с террасой во всю длину, с четырехскатной черепичной крышей. В таком длинном прямоугольном доме с городскими планировкой и убранством жил и Сандро; но он сохранял во дворе и старую хату-мазанку, построенную, по его словам, еще дедом. Домик этот был покрыт двухскатной соломенной крышей, имел низкий вход, небольшое световое отверстие, закрытое бычьим пузырем. Такое жилье было характерно для населения всего Предкавказья в далеком прошлом.

Мы беседовали, на столе нас ожидали три пирога с начинкой из сыра, приготовленные хозяйкой, и бутылка неизменной араки (самогона из хлебных злаков) - традиционное угощение гостя у осетин, уходящее в глубь веков. Отметим, что все моздокские осетины в большей или меньшей степени сохранили традиционную пищу, что является лишним свидетельством того, что она - одна из определяющих черт культуры любого этноса. Исключение составляло пиво домашнего приготовления, доставшееся осетинам от их ираноязычных предков, утерянное ерашти и цайтае, из-за того что в местах их расселения отсутствовала подходящая вода для его приготовления. Когда мы сели за стол, старик, видимо, решив более близко познакомиться со мной, спросил, чей я сын, где живу, есть ли семья. Я ответил на все его вопросы, заметив, что он остался недоволен, узнав, что я женат на русской, показал рукой на большую круглую заплатку на своем бешмете и сказал: «Если это украшает мой бешмет, то женитьба осетина на девушке из другого народа так же украшает его». Нужно отметить, что осетинские

казаки в силу своего особого сословия очень редко брали девушек в жены даже из среды своих соплеменников - дигорцев, считая их «черным народом», вступая в брак, как правило, в пределах своей этнической группы.

В следующем 1950 г., приехав уже на более длительное время, я вновь побывал у Сандро, пользовался его гостеприимством, продолжал записи необходимого материала. Тогда же основательно познакомился со станицами и хуторами ерашти, с их культурными и историческими памятниками и, наконец, со многими их жителями. Из исторических памятников особое внимание привлекала большая курганная насыпь между двумя станицами осетин, сооруженная в память о погибшей казачьей сотне при отражении налета на Моздок отряда Шамиля в 1843 г. На каменном столбе, установленном на вершине кургана, высечены имена и фамилии погибших. Памятник был сооружен в 1903 г. станичными обществами под руководством известного поэта Б. Гуржибекова к 60-летию гибели казаков. Отголоски Кавказской войны в ст-це Черноярской проявлялись и в следах оборонительных сооружений в виде рва и земляной насыпи. Если в этой многолетней кровавой войне Осетия оставалась нейтральной, то казаки-осетины, входя в состав Терского казачьего войска, были ее активными участниками на стороне царского правительства. Из исторических памятников ерашти можно указать и на большой каменный дом полковника Тускаева, построенный им в 1910 г. к 100-летию основания ст-цы Ново-Осетиновской, называемой станичниками Масыгкау («башенное село»), под которым село было известно и в горах Дигории.

Пробыв около месяца у казаков-осетин, сохранивших в чистоте язык, традиции и быт своего народа, я переехал к другой не менее интересной в этнографическом плане группе - осетин-цайтае, первым осетинским поселенцам в моздокских степях. Как упоминалось выше, эти осетины появились здесь со времени основания Моздока и, живя в городе и на хуторах в моздокских и ставропольских степях, среди кавказских народов (кабардинцев, армян, грузин), русских казаков и кочевников (ногайцев, калмыков), под их сильным влиянием претерпели значительные изменения в традициях и быту. В 1942 г. здесь в ходе боев с немецкими оккупантами многие осетинские хутора были уничтожены, сохранились лишь некоторые в моздокских степях и Курском р-не Ставропольского края, нередко находясь друг от друга на большом расстоянии.

С осетинами-цайтае, говорящими на иронском диалекте осетинского языка, я разговаривал не по-русски, как это было у осетин-ерашти, а на родном языке. Эта группа многоязычна, старшее поколение их, кроме родного и русского языков, хорошо знает также ногайский, кабардинский, отчасти и калмыцкий. Как я уже упоминал, ногайский язык был до революции языком межнационального общения населения всего Предкавказья. Как показал проф. Б.А. Алборов, изучавший в 1920-х годах говор моздокских осетин, в язык осетин-цайтае вошло большое количество ногайских слов, а также некоторых кабардинских, грузинских и русских. Особенно характерны для них были превосходное знание ногайского народного устного творчества - песен, преданий, сказок, и в то же время утрата ими многого из собственного традиционного фольклора. Приведу лишь один пример. На хуторе Бугулов, где мне пришлось побывать на свадьбе, я не услышал ни одной осетинской песни - пели ногайские, отчасти русские. Ногайское влияние на осетин-цайтае объясняется давними близкими контактами, существовавшим между ними обычаем куначества, а также массовым сезонным отходом ногайцев целыми аулами во время полевых сельскохозяйственных работ в станицы и на хутора региона, где они находились месяцами.

Наиболее устойчивыми этническими элементами у осетин-цайтае оказались традиционные похоронные и поминальные обряды, многие из которых по своей архаике уходят в древнеиранский мир, а также некоторые языческие божества, веру в которых принесли из горной Осетии. Они, как и другие группы моздокских осетин, почти полностью сохранили такие архаические похоронные обряды и обычаи, как посвящение коня покойнику, скачки, стрельба в цель и др., унаследованные от скифо-сарматов и алан. Отправление культа предков у осетин-цайт? выражалось и в том, что на каком бы отдаленном от Моздока хуторе они ни проживали, непременно хоронили

своих покойников на общем родовом осетинском кладбище в Моздоке, сочетая христианский обряд с языческим. Например, сначала покойного отпевали в церкви, а затем посвящали ему коня.

Из языческих божеств у осетин-цайтае наиболее почитаемым был Хъызлары Уастырджи (Св. Георгий Кизляра), которому было посвящено святилище, основанное в первой половине XVIII в. в виде часовни недалеко от г. Кизляра первыми выходцами из горной Осетии в Кизляро-Моздокский край. День Св. Георгия праздновали осенью, после окончания полевых работ, посылая из Моздока (несмотря на большое расстояние - более 150 км) к святилищу несколько человек с традиционными приношениями (три пирога и арака) и откормленным волом (быком) - жертвой во имя святого.

Осетин-цайтаг с давних времен особенно отличало исповедование христианства - несомненное влияние Моздока, который с XVIII в. был крупным центром христианства на Северном Кавказе. До революции в городе насчитывалось восемь церквей и несколько молитвенных домов. Здесь наряду с русскими, армянами, грузинами, свою церковь имели и осетины-цайтаг; в ней совершались венчания, крещения, отпевания и другие обряды. Считали, что в ней хранилась Иверская икона Божьей Матери, по преданию, привезенная из Осетии. Во второй половине XIX в. на месте этой церкви построили Моздокский Успенский собор, разрушенный в годы Великой Отечественной войны немецкой авиацией. Несмотря на то что в день Успения (15 августа ст.ст.) сюда стекались богомольцы из многих южных регионов России, осетины считали собор своим, называя его *Мждаджы Мады Майркм* (Моздокская Мать Мария). Сюда приходили моздокские осетины из всех групп переселенцев, приезжали осетины из многих районов Осетии, совершая тут же на площади собора в честь Богоматери жертвоприношения баранами и быками; мясо раздавали бедным прихожанам. Среди осетинских богомольцев обычно преобладали женщины, считавшие Мады Майраем своей покровительницей. Бездетные женщины просили ее наградить их потомством и для исполнения этой просьбы нередко обходили собор на коленях. На празднике среди присутствующих осетин было много молодежи. Парни и девушки во время танцев, устраивавшихся в огромном нижнем этаже собора, нередко находили здесь себе семейное счастье.

В 1949 г. я застал собор этот в полуразрушенном состоянии. Когда я рассматривал его, ко мне подошел старик-осетин, который, по его словам, лет 25 служил в нем старостой, и просил меня обратиться «куда следует» за помощью в восстановлении собора. К сожалению, через два года, вновь посетив Моздок, я не нашел даже фундамента храма. Собор, находившийся в центре города, разобрали для строительства домов.

Напомню, что осетины-ирадта, выйдя в моздокские степи в конце XIX - начале XX в. из разных мест горной Осетии, в отличие от осетин-цайтае полностью сохранили свои этнические традиции, по-прежнему поклонялись своим языческим божествам, а христианами считались только по названию. Во всяком случае, живя всего в 3 км от Моздока, они не ходили в церковь, не совершали никаких церковных обрядов, невзирая на то что моздокский архиерей выделил им, безземельным горцам, земельный участок для поселения. Правда, участок этот был настолько мал, что почти всем поселенцам приходилось арендовать землю у соседей - богатых землевладельцев. Кроме того, многие из первых поселенцев не имели даже приусадебного участка, жили во времянках на усадьбах своих родственников. Советская власть избавила этих осетин, как и многих других крестьян, от земельного голода и нищеты.

Мне, имевшему здесь немало родственников, легко было работать: я побывал на многих общественных и семейных торжествах. Моим постоянным спутником по *кувдам* (пиршествам) был Федка - старший брат уже упомянутого Агки - председателя колхоза из ст-цы Чернойрской. Лесник по профессии, житель хутора Веселый, милейший человек, он во время застолья всегда сажал меня рядом, не давал спавать, говорил любителям выпить: «Не спавайте моего однофамильца-родственника».

Вообще, по моим многолетним наблюдениям, нигде в Осетии так часто и много не пьют араки, как здесь, причем напиваться считалось большим позором в глазах общества, виновный долго не мог появляться на торжественных пирах. С последним обстоятельством молва связывает и происхождение названия главного хутора Веселый. Рассказывают, что поселившиеся рядом со знаменитым моздокским скифским курганом (V-VI вв. до н.э.) по трассе Моздок - Кизляр, горцы после пиршества обычно устраивали танцы на вершине этого кургана. Однажды атаман моздокского отдела, проезжая по трассе, увидев это зрелище, спросил своего спутника: «Кто они такие? Вот веселый народ!» - «Ваше благородие, это недавно поселившиеся осетины», - ответил тот. «А как называется их хутор?» - «Еще не имеет названия!» - «Пусть будет хутор Веселый». Так было окрещено ныне большое осетинское поселение, раскинувшееся на левом берегу Терека.

В 1930-х годах здесь был организован колхоз «Красная Осетия», возглавлявшийся много лет Алиханом Гассиевым, умным и талантливым организатором, прошедшим большой жизненный путь. От него я записал очень ценные сведения по многим вопросам жизни этой группы моздокских осетин. Гассиевы, составлявшие здесь восемь дворов, - выходцы из селения Джими Алагирского ущелья Северной Осетии. Они жили там до переселения одной большой семьей, насчитывавшей более 80 чел.

После тяжелых военных лет колхоз, хотя и считался в районе передовым, был небогат, так как периодически повторявшаяся засуха мешала развитию его главных отраслей хозяйства - земледелия и скотоводства; на засушливых полях произрастали лишь просо и пшеница, при полном отсутствии каких-либо других земледельческих культур. Разведение садов и виноградников, выращивание огородных и бахчевых культур стали знакомы осетинам, как и другим поселенцам моздокских и ставропольских степей, после постройки Терско-Кумского оросительного канала, давшего жизнь почти всей огромной засушливой территории края. В 1970-х годах я вновь побывал здесь с научными целями и был поражен происшедшими изменениями, вызванными обводнением обширных засушливых степей, находя многие мне известные с 1950-х годов осетинские хутора утопающими в садах и виноградниках, застроенными кирпичными домами городской планировки, сменившими старые хаты-мазанки. Широкая оросительная система дала возможность колхозам и совхозам вести многоотраслевое хозяйство, получать от него многомиллионные доходы, что в свою очередь позволило поднять материальный уровень жизни населения, разводить бахчи и огороды. Наибольшие перемены я обнаружил на хуторе Веселый.

В конце 1950 г. я представил диссертацию своему научному руководителю М.О. Косвену, который, взяв объемистый текст (более 400 е.), перелистал его и, как мне показалось, не читая, распорядился обсудить работу на секторе. Спустя 10 лет я узнал из его книги («Семейная община и патронимия». М., 1963), что он все же основательно читал рукопись моей диссертации, делая на нее ссылки. К сожалению, занятый выполнением других работ по институту, я не смог подготовить рукопись к печати. «Моздокских осетин» удалось опубликовать отдельной книгой лишь в 1995 г.

Весною 1951 г. текст моей диссертации обсудили на заседании сектора и рекомендовали Ученому совету к защите. Меня удивило только одно обстоятельство: по настоянию М.О. Косвена, первым официальным оппонентом был назначен проф. В.К. Никольский, крупный специалист по истории первобытного общества (вторым был В.К. Гарданов), с которым он не разделял мнения по многим теоретическим вопросам в этой области истории. Я отвез свою работу В.К. Никольскому домой, представился, сказав, что давно знаю его по работам и лично с 1949 г. по защите диссертации С.И. Макалатиа: «О, это был незабываемый день, я теперь не член вашего Ученого совета, работаю в Историко-архивном институте, - сказал он. — Как поживает Марк Осипович, мы давно не виделись и, между прочим, давно не полемизировали, видимо, он решил пообщаться. Спасибо ему, что вспомнил. А работу Вашу, конечно, почитаю, она должна быть на высоком научном уровне, поскольку выполнена под руководством М.О. Косвена». Создавшаяся ситуация меня немного

Рис. 4. Б.А. Калоев (второй слева) с жителями селения Лац Кураатинского ущелья в Северной Осетии. Первый слева - научный сотрудник Северо-осетинского краеведческого музея Булат Кулов

волновала, я чувствовал, что выступление В.К. Никольского на Ученом совете явится не анализом моей работы, а скорее критикой своих оппонентов, со взглядами которых по различным проблемам этнографической науки он расходился. И действительно, мое ожидание оправдалось. Отметив некоторые достоинства работы, он, видимо, вспомнив старые обиды на М.О. Косвена и других, вступил с ними в многочасовую полемику. Запомнилось одно критическое замечание В.К. Никольского в адрес института и его Ученого совета. Он считал ошибочным широко практиковавшееся в институте изучение этноса в монографическом плане, а не в тематическом. В действительности комплексное изучение отдельных народов и этнографических групп, давно проводившееся в институте, оправдало себя, книги по отдельным народам пользовались большим спросом, долго не залеживались на полках. Этот день мне запомнился на всю жизнь. Полемика между оппонентами по вопросам первобытности была многочасовой и настолько острой, что приковала внимание всех присутствовавших и Ученый совет как бы забыл о моем существовании. Наконец, вспомнив и обо мне, присвоили мне единогласно степень кандидата наук, в чем немалую роль сыграло выступление второго официального оппонента В.К. Гарданова, отметившего, что диссертация выполнена на достаточно высоком научном уровне. В личной беседе он даже похвалил меня - возможно, чтобы поддержать мое настроение, но его слова придали мне уверенности для решения новых научных задач.

Для меня радостным событием было и получение работы в Институте этнографии, в родном секторе народов Кавказа, под руководством моего учителя М.О. Косвена, колоссальная работоспособность, разносторонние интересы, энциклопедическая эрудиция которого служили для нас, начинающих ученых, примером для подражания.

Едва придя в сектор Кавказа, я получил от М.О. Косвена поручение принять на себя обязанности ученого секретаря. В секторе было сравнительно мало сотрудников, в московской его части - пять (М.О. Косвен, Е.М. Шиллинг, З.А. Никольская, Л.А. Добрускин, Б.А. Калоев), в ленинградской - всего два (Л.И. Лавров, Л.Б. Панек), что было совершенно недостаточно для такого региона, как Кавказ с его много-

численными народами и этническими группами. Поэтому М.О. Косвен неоднократно ставил вопрос перед дирекцией института об увеличении численного состава сектора. Исполнение обязанностей секретаря дало мне возможность почти ежедневно общаться с Марком Осиповичем, по необходимости бывать у него дома, а также ближе познакомиться со многими учеными-кавказоведами Москвы, Ленинграда и Кавказа.

Примечания

¹ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I-III. М., 1881-1889.

² Калоев Б.А. В.Ф.Миллер - кавказовед. Орджоникидзе, 1963.

³ Яковлев Н.Я. Ингуши. Грозный, 1925.

⁴ Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии и фольклора. Орджоникидзе, 1979;
Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995.

⁵ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I.

⁶ Калоев Б.А. Моздокские осетины. С. 169.

В. А. К а л о е в. From the diary of a student of the Caucasus. II. Ethnographical field work in the North Caucasus

While a post-graduate student of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences the article's author visited Ossetians residing in the vicinities of Mozdok city. They are divided into a few groups with differing languages. Their ancestors have been moving from the mountains to the steppes of the Fore-Caucasus beginning from the 18th century. From the early 19th century some of them became part of the Tersk Cossack Force. The daily life of the Russian-language Cossacks incorporated many features from the Ossetian culture. Another part of the Ossetians was tending closer to the Nogaians. From the 1960s after the construction of Tersk-Kumyk irrigation system the Ossetian villages, which earlier engaged in cattle-breeding and limited land cultivation, switched over to melon- and garden fruit-growing have reached prosperity.